

Иван Иванович Панаев

Воспоминания о Белинском

* * *

В 1838 году А. В. Кольцов, с которым я был знаком очень близко, просил меня от имени Белинского участвовать в «Наблюдателе», который тогда только что перешел под его редакцию. По этому поводу я написал письмо к Белинскому с предложением своих услуг, и между нами завязалась переписка.

Вот его письма ко мне:

I

Москва. 1838 г., апреля 26.

Любезнейший Иван Иванович, не могу вам выразить того удовольствия, которое доставило мне ваше милое письмо. Я давно знаю вас, давно полюбил вас: во всем, что ни писали вы, видна такая прекрасная, такая человеческая душа. Вы один доказали мне, что можно быть человеком и петербургским литератором. Я не старался узнать, каковы вы на самом-то деле (как говорят опытные люди, разделяющие жизнь на идеальную и реальную): я слишком верю моему чувству,

чтобы иметь нужду наводить справки для его оправдания. Веря моему чувству, я был уверен, что и вы любите меня, точно так же как был уверен, что меня терпеть не могут разные петербургские поэты, прозаики — и знакомые и незнакомые со мною, и даже журналисты, переписывавшиеся со мною — но Вашу руку — я жму ее как руку друга! Вы не обманулись, оставивши в стороне и пустые приличия и ложный стыд.

Благодарю, сердечно благодарю вас за ваше предложение — быть мне полезным по журналу. Эта помощь важна для меня. Теперь мне во что бы то ни стало, хоть из кожи вылезть, а надо постараться не ударить лицом в грязь и показать, чем должен быть журнал в наше время, показать это издателям изящных афиш и издателям толстых журналов с афишкою на придачу; но молчание — скоро увидите сами и, надеюсь, заочно погладите по головке. Горе вашей петербургской братье, горе всем этим маленьким гениям, которые, после смерти Пушкина, напоминают собою слова Гамлета: «отчего маленькие человечки становятся великими, когда великие переводятся?» Итак, помогите по мере возможности, а то вас там разрывают по частям, по клочкам литературные воронья, собиратели чужих трудов. Литература наша теперь хромает, как никогда не хромала: сам Полевой, этот богатырь журналистики, сам

он только портит дело и добросовестно вредит ему, хуже Сенковского.

Первый номер «Наблюдателя» позамедлился от разных обстоятельств, которые могли встретиться только при первом номере; но он выйдет в Москве, когда вы будете читать мое письмо; второй уже печатается, третий начнется печатанием завтра.

Прощайте и пишите ко мне чаще, а я не останусь у вас в долгу.

Письма адресуйте на мое имя — в дом Межевого института (Константиновского).

Добрый А. В. Колыдов вам кланяется.

Ваш В. Белинский.

II

Москва. 1838 г. Августа 10.

Любезнейший Иван Иванович! Долго ждал я вашего письма, но мое долгое ожидание было с избытком вознаграждено: ваше письмо показало мне, что я приобрел себе спутника на пути жизни к одной цели. Я не умею понимать ни любви, ни дружбы иначе, как на взаимном понимании истины и стремлении к ней. Уверен, что когда с вами увидимся, то возможность осуществится, и стремление к дружбе сделается дружбою. Не нужно больше слов — пусть все развивается само

собою, из времени и обстоятельств. Для зерна нужна земля, чтоб сделаться деревом; для дружбы, как и для всякого чувства, — возможность дружбы. Я сказал, что я разумею под возможностью: для нас эта возможность уже слишком ясна — остальное довершит время.

Вы пишете, что желали бы видеть меня издателем журнала с 3000 подписчиков, а я бы охотно помирился и на половине: «Телеграф» никогда не имел больше, а между тем его влияние было велико, «Библиотека для чтения» издается человеком умным и способным, и издается им для большинства, и потому очень понятен ее успех. Журнал с таким направлением, которое я могу дать, всегда будет для аристократии читающей публики, а не для толпы и никогда не может иметь подобного успеха. Но я не знаю, почему бы мне не иметь 1500 или около 2000 подписчиков. Но видите ли: для этого нужно объявить программу перед новым годом, а не в марте или мае, и программу нового журнала с новым названием, потому что воскресить репутацию старого, и еще такого, как «Наблюдатель», так же трудно, как восстановить потерянную репутацию женичины. Сверх того в Москве издавать журнал не то, что в Петербурге; в нашей цензуре (московской) царствует совершенный произвол; вымарывают большую часть либеральные мысли, подобные следующим: $2 \times 2 = 4$, зимою холодно, а летом

жарко, в неделю 7 дней, а в году 12 месяцев. Но это бы еще ничего — пусть марают, лишь бы не задерживали. Но мог бы выйти назад тому две недели, но 5 листов пролежали большие недели в кабинете Голохвастова. Снегирев и сам мог бы вычеркнуть все, что ему угодно, но он хочет казаться перед издателями добросовестным, а перед начальством исправным, а мы должны терпеть. В 6 номере я поместил переводную статью: «Языческая и христианская литература IV века. Авзоний и св. Паулин»; языческой и христианской и святого цензор нам не пропускает: каково вам покажется? Вы знаете, что владелец «Наблюдателя» — Н. С. Степанов; у него есть все средства, сверх того — хорошая своя типография. Если бы ему позволили объявить себя издателем, как Смирдину, начать журнал с нового года и в 12 книжках, как «Библиотека для чтения» и «Сын отечества», — то дело бы пошло на лад. Эти три обстоятельства: объявление имени издателя, который по своим средствам может иметь право на кредит публики, новый план журнала и настоящее время для его начала — могли бы дать содержание для программы и из старого журнала сделать новый. Конечно, если бы к этому еще позволили переменить его название — это было бы еще лучше, но на это плоха надежда. Еще лучше, если бы ко всему этому мне позволили выставить свое имя как редактора,

потому что В. П. Андросов охотно бы отказался от журнала и всех прав на него. Но зачем говорить о невозможном. По крайней мере мы хотим попробовать насчет первых трех перемен — имени Степанова, 12 книжек и начала с нового года. Надо сперва прибегнуть к графу Строганову. Пока об этом не говорите решительно никому. Я уверен, когда придет время, и если вы что можете тут сделать чрез свои связи и знакомства, то сделаете всё.

Ваши вкусоводители точно люди добросовестные и благонамеренные — они немножко и дерут, зато уж в рот хмельного не берут. Шевырев — это Вагнер. Он на лекции объявил, что любит букву... Хочу написать историю русской литературы для немцев — пошлю в Германию к Аксакову, он переведет и напечатает. То-то раззадорю наш народ. Уж дам же я знать суфлеру Кёнига!

Я понял, о каком великом драматическом гении пишете вы ко мне: этого гения я разгадал еще в 1834 г. У меня очень верен инстинкт в литературных явлениях; издалека узнаю птицу по полету и редко ошибусь...

Совершенно согласен с вами насчет философских терминов, что делать — погорячились. Говорите мне правду смело, только этим вы можете доказать мне свое дружеское расположение. Первая ваша правда мне понравилась, но оговорки были напрасны.

Кланяйтесь от меня Николаю Ивановичу Надеждину. Рад, что вам понравился Аксаков. Это душа чистая, девственная, и человек с дарованием. Когда вы приедете в Москву, то увидите, что в ней и еще есть юноши. Как жаль, что Бакунин живет в деревне! Как мне хотелось познакомить вас с ним. Но я познакомлю вас с В. Боткиным, которого музыкальные статейки, вероятно, вам понравились. Он же перевел «Дон-Жуана» Гофмана и переделал статью «Моцарт». Еще я познакомлю вас с Ключниковым — очень интересный человек. Элегия в IV номере «Опять оно, опять былое» — его. Стихотворение Красова «Не гляди поэту в очи» не относится ни к Пушкину и ни к кому, а его дума относится к Жуковскому. Понравилась ли вам повесть в I номере? Она принадлежит Кудрявцеву, автору «Катеньки Пылаевой» и «Антонины». Это человек с истинным поэтическим дарованием и чудеснейшею душою. И с ним я познакомлю вас. Он дал мне еще прекрасную повесть «Флейта». Странно, что вы прочли еще только два номера «Наблюдателя», когда их вышло уже пять. Роман Степанова разругаю, потому что это мерзость безнравственная — яд провинциальной молодежи, которая все читает жадно. Если бы это было только плохое литературное произведение, а не гнусное в нравственном смысле, то я уважал бы пословицу — *de mortuis aut bene, aut nihil*.

Благодарю вас за обещание разного товара — ждущего его с нетерпением — нельзя ли поскорее. Харьковский профессор Кронберг изъявил свое согласие на участие. В 6 номере его статья «Письма»; статья очень невинная, но ужаснувшая нашего цензора. Читали ли вы в 5 номере статью «О музыке»? Таких статей немного в европейских, не только русских журналах. Серебрянский — друг Кольцова, который и доставил мне статью. Представьте себе, что этот даровитый юноша (Серебрянский) умирает от изнурительной лихорадки. Очень рад, что вам понравилась моя статья о «Гамлете». В 3 номере самая лучшая; я сам ею доволен, хотя она и искажена: Булыгин вымарывал слово святой и блаженство, а на конце отрезал целые пол-листа. Напишите, как вам понравилась моя статья об «Уголино». Жаль Полевого, но вольно же ему на старости из ума выжить. Что там за гадость такую он издает. «Библиотека для чтения» во сто раз лучше: для большинства это превосходный журнал. Нет ли слухов о Гоголе? Как я смеялся, прочтя в «Прибавлениях», что Гоголь, скрепя сердце, рисует своих оригиналов. Во время оно я и сам то же врал... Скажите мне, что за человек Струговицкий? У него есть талант, он хорошо переводит Гете, по крайней мере получше во 100 раз Губера, который просто искажает «Фауста». И немудрено: он понимает Вагнера —

как классика, а Фауста — как романтика. Я хочу растолковать ему, что он врет. Если вы знакомы с Струговичиковым, то попросите у него чего-нибудь для меня: я с благодарностью (разумеется, невежественною) поместил бы. Уведомьте меня, что за человек Бернет? У него есть талант, который может погибнуть, если он не возьмется за ум заблаговременно. Я желал бы с ним познакомиться. Обещался мне Ф. Кони отдать для цензуры г. Корсакову две статьи, но что-то о них ни духу, ни слуху. Не знаете ли вы чего-нибудь об этом?

Прощайте. Жду от вас скорого ответа и с нетерпением ожидаю вас самих в Москву. Я и сам собираюсь в Питер, и весною думаю непременно побывать, если будут средства.

Ваш В. Белинский.

Москва. 1839. Февраля 18 дня.

Я так много виноват перед вами, любезнейший Иван Иванович, что нельзя и оправдываться. Впрочем, в моем столе и еще теперь лежит письмо к вам от ноября 10 прошедшего года, но — увы! недоконченное. Право, не до писем было. В письме к вам мне хотелось бы означить определительно мое

журнальное состояние, но это было невозможнее, чем означить погоду. И теперь пишу к вам коротко, но зато определенно. Вот в чем дело: я не могу издавать «Наблюдателя». Далеко бы завело меня объяснение причин, и потому вместо всех этих объяснений снова повторяю вам — я не могу издавать «Наблюдателя» и нахожусь принужденным ныне отказаться от него.¹ Но между тем — мне надо чем-нибудь жить, чтоб не умереть с голоду — в Москве нечем мне жить — в ней, кроме любви, дружбы, добросовестности, нищеты и подобных тому непитательных блюд, ничего не готовится. Мне надо ехать в Питер и чем скорей, тем лучше. Прибегаю к вашему ко мне расположению, к вашей ко мне дружбе — похлопочите об устройении моей судьбы. Г. Краевский завален теперь делом — два журнала на руках — думаю, что сотрудник, который в состоянии ежемесячно поставлять около десяти листов оригинального писанья или маранья, будет ему немалою подмогою. Я бы желал взять на себя разбор всех книг чисто литературных и даже некоторых других, — в таком случае в каждую

¹ Причины эти объясняются строгостию тогдашней цензуры и кроме того размолвкой между Белинским и некоторыми его московскими друзьями, что читатели увидят далее.

книжку «Отечественных записок» я бы аккуратно поставлял от двух до пяти листов. Критика своим чередом, — смесь тоже. — Коротко и ясно: почем с листа? Но главное вот в чем: без 2000 мне нельзя даже и пешком пройти заставу; около этой суммы на мне самого важного долга, а сверх того, я хожу как нищий в рубище. Кроме г. Краевского поговорите и с другими, сами от себя или через кого-нибудь: я продаю себя всем и каждому от Сенковского до (тьфу ты, гадость какая!) Булгарина, — кто больше даст, не стесняя притом моего образа мыслей, выражения, словом моей литературной совести, которая для меня так дорога, что во всем Петербурге нет и приблизительной суммы для ее купли. Если дело дойдет до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть — у меня достанет силы скорее издохнуть как собаке, нежели живому отдаться на позорное съедение псам... Что делать — я так создан.

Не замедлите ответом. Жду его с нетерпением.

Ваш В. Белинский.

Кроме того, в «Отечественных записках» я готов взять на себя даже и черновую работу, корректуру и тому подобное, если только за все это будет платиться соразмерно трудам. Денег! денег! А работать я могу, если только мне дадут мою

работу. Итак скорей ответ. Главное, чтобы при вашем письме получил (если кто пожелает взять меня в работники) подробные условия.

Еще раз, — не замедлите ответом и — прощайте.

IV

Москва. 1839 г., февраля 25.

Я остаюсь в Москве, любезнейший Иван Иванович, и потому прошу вас оставить хлопоты обо мне и извинить меня за ложную тревогу. Различные затруднения до такой степени взбесили меня, что я твердо решился перебраться в Питер; но дело кое-как переделалось — и я опять москвич. Пока не могу много писать к вам: я еще болен от этих передряг. Пожмите от меня руку г. Струговицкову... Не умею благодарить его за присланные элегии Гете; несколько времени я обжирался ими; как в волнах океана жизни, купался я в этих гекзаметрах. Прошу у г. Струговицкого извинения в том, что я имел глупость две элегии поместить в II номере за прошлый год, который только на-днях явится, хотя уже является четвертый месяц. Перевод «Прометея» — чудо! Прошу и умоляю г. Струговицкого не оставить меня и вперед своими трудами.

Равным образом прошу вас засвидетельствовать мое уважение г. Владиславлению. Очень благодарен ему за его милый подарок. Не отвечал ему на письмо по двум причинам: не до того было, а сверх того, я и не знаю имени и отчества г. Владиславления. Попросите его засвидетельствовать мое почтение М. М. Попову, моему бывшему учителю, который во время оно много сделал для меня и живая память о котором никогда не изгладится из моего сердца.

Представьте себе — какое горе: у меня украдена учеником Межевого института, неким М., тетрадь стихов Красова и попала в руки Сенковского, который и распоряжается ею, как своею собственностью. Нельзя ли об этом намекнуть в «Литературных прибавлениях».

Не стыдно ли Краевскому воскурять фимиамы таким людям, каков Каменский, Гребенка и т. п.? Статья Губера о философии обличает в своем авторе ограниченнейшего человека, у которого в голове только посвистывает. Какая прекрасная повесть «История двух галош» гр. Соллогуба. Чудо! прелесть! Сколько душевной теплоты, сколько простоты, везде мысль!

Бью вам челом — низжайше кланяюсь, любезнейший Ив. Ив.: пока хоть чего-нибудь, а хорошего и отличного, когда будет у вас досуг. Право, если вы для 4 номера не дадите своей

повести — я рассорюсь с вами.

Кланяйтесь от меня Савельеву и скажите ему, чтобы он уже не хлопотал. До будущего 1840 года — я москвич, а там — что бог даст. Прощайте.

Ваш В. Белинский.

... Я приехал в Москву 13 апреля 1839 г. — и на другой же день отправился к Белинскому.

Вся умная и читающая молодежь была в это время увлечена его статьями.

Видеть этого человека и говорить с ним казалось для меня счастьем.

Надо сказать, что я уже начинал сознавать тогда безобразие среды, в которой вырос, диких обычаев и предрассудков, которые всосал в себя с детства, но идеал лучшей и более человеческой жизни очень смутно представлялся мне — и я еще никак не мог оторваться от разных пошлых дворянских привычек, хотя по временам ощущал от них уже некоторую неловкость.

Двадцать лет тому назад в Москве все имевшие средства дворяне ездили обыкновенно в каретах четвернею на вынос. Мне подтвердили, когда я отправлялся в Москву, что без четверни на вынос я не могу показать носа ни в один порядочный дом — и тотчас же по приезде в Москву я завел себе четверню на вынос.

На этой-то четверне, о которой мне и до сих пор еще вспоминать стыдно, я отправился к Белинскому.

Он жил в каком-то узеньком и глухом переулке недалеко, кажется, от Никитского бульвара в деревянном одноэтажном домике, вросшем в землю, окна которого были почти наравне с кирпичным узким тротуаром.

Когда моя четверня на вынос подкатила к воротам этого домика, домик весь заходил ходенем, и в глухом и тихом переулке раздался такой оглушающий гром от экипажа, что Белинский вскочил с дивана и бросился к окну с досадою, даже со злобой, как он мне, смеясь, говорил потом.

Такого грома не раздавалось в этом переулке с самого его существования (это тоже слова Белинского).

Я вышел из кареты, покраснев до ушей. В эту минуту я мучительно почувствовал неприличие моей четверни и грома, произведенного моею каретою, но уже было поздно.

Совершенно сконфуженный, с замирающим сердцем я вошел на двор, поросший травой, и робко постучался в низенькую дверь...

Дверь отворилась, и передо мною в дверях стоял человек среднего роста, лет около 30 на вид, худощавый, бледный, с неправильными, но строгими и умными чертами лица, с тупым носом, с